
РЕЦЕНЗИИ, ИНФОРМАЦИЯ

Г. А. ЗАВАЛЬКО

Иммануэль Валлерстайн. После либерализма: Пер. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М., 2003

Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2003

Первая из вышедших у нас книг И. Валлерстайна «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире» (см.: *Философия и общество*. 2002. № 3) представляла собой сборник статей, выступлений и фрагментов из книг автора, составленный без указания дат. Теперь мы имеем дело с книгами, структура которых определена самим И. Валлерстайном. «После либерализма» вышла в 1995 году в Нью-Йорке; «Конец знакомого мира» – в 2003 году в Миннеаполисе и Лондоне. Хотя основной труд И. Валлерстайна «Современный мир-система» пока на русский язык не переведён, взгляды главного представителя школы мир-системного подхода постепенно приобретают известность в России.

Книга «После либерализма» посвящена одному из частных вопросов мир-системного подхода – судьбе либеральной идеологии. «Конец знакомого мира» сложнее по структуре. Лишь первая часть («Мир капитализма») содержит обычные для мир-системного подхода социологические положения; вторая («Мир знания») вторгается в область гносеологии.

Начну с философских основ взглядов Валлерстайна, сформулированных им в книге «Конец знакомого мира», – не потому, что считаю их верными или оригинальными, а потому что они типичны

для немарксистских социологов, безуспешно ищущих философские основы своей науки. Валлерстайном затронуты основные философские проблемы: отношение мира и сознания; противоречивость мира; познаваемость мира; детерминизм.

«С одной стороны, – пишет Валлерстайн, – реальный мир, несомненно, существует. Если *он* не существует, то и *нас* не существует, а это абсурд. Если мы не верим в это, мы не должны заниматься изучением мира общественных отношений»¹. Когда немарксист так явно декларирует убежденность в наличии материального мира, невольно ждешь, какое же «но» последует за этой декларацией. И оно следует.

«Но, с другой стороны, также справедливо, что мы можем познать мир лишь через наше видение его... В этом смысле всё зависит от очков, через которые мы осуществляем это восприятие, то есть от организующих мифов...»² Или активность сознания, или отражение им внешнего мира. Одно исключает другое. Материализм испарился: если *всё* зависит от нашего восприятия, утверждение о наличии внешнего мира утрачивает смысл. Утрачивает смысл и наука как познание мира.

И действительно, Валлерстайн считает, что прежнее понимание науки как поиска истины устарело. На смену ему приходит утверждение, что «наука является составным элементом культуры. Представления о возвышенной интеллектуальной деятельности, направленной на раскрытие фундаментальных и вечных истин, уходят в прошлое. Их место занимают представления о реальном мире... в котором... само будущее ещё надлежит создать»³.

Здесь очевидны два тезиса. Во-первых, наука является не просто «составным элементом культуры», но *таким же* «элементом культуры», как любой другой (религия, миф, обыденное сознание). Во времена П. Фейерабенда этот тезис был неверен и нов. Сейчас он неверен и ненов.

Во-вторых, Валлерстайн не приемлет детерминизм, который знает только в одной, абсолютной (лапласовской) форме. Если мы

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 324.

² Там же. С. 324–325.

³ Там же. С. 117.

создаём будущее, значит, оно недетерминировано. Неопределённость и предопределённость исключают друг друга. «Будущее не задано», цитирует он И. Пригожина, в синергетике которого ему видится не только новая научная дисциплина, но и новая методология науки – то есть философия.

Валлерстайн приветствует отказ от науки, «проникнутой идеями детерминизма» – «одной из разновидностей науки», служившей «культурным оправданием политического лозунга покорения природы», связанного исключительно с капитализмом⁴. Согласиться с этим невозможно. Гибнет не «капиталистическая наука», а наука при капитализме, наука в условиях исчерпавшего себя строя, и солипсистский словопомол, предлагаемый Валлерстайном в качестве новой методологии, – не лекарство, а симптом болезни.

На шатком фундаменте индетерминизма Валлерстайн хочет «предложить рациональное обоснование социологии, логика которого альтернативна той, что исходит из веры в прогресс». Но наука, отрицающая детерминизм, – такая же нелепость, как наука, отрицающая познание. Поэтому всё, что может сказать Валлерстайн, это: «в отношении социальных перемен ни одно из утверждений – ни что «изменения бесконечны», ни что «ничто не меняется» – «не может быть принято за истинное. Я полагаю, что нам нужно найти другой, более совершенный язык для описания социальной действительности»⁵.

Но такой язык (вернее – метод) уже есть. Однако он Валлерстайну неизвестен. Это диалектика. Синергетика в решении философских проблем ничем помочь не может как раз в силу своей недиалектичности. Для Пригожина категория «вероятность» применима только к случайности и несовместима с необходимостью. В эволюции – только предопределённость; в бифуркации – только неопределённость⁶.

Диалектика подходит к этому вопросу иначе. Вероятность – проявление необходимого в случайном, предопределённости – в

⁴ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 116.

⁵ Там же. С. 167–168.

⁶ См.: Семёнов Ю. И. Диалектический материализм: его роль в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3. С. 100–101.

неопределённости. Будущее одновременно предопределено и неопределено. Люди творят историю, но не произвольно, а в рамках возможного. Увы, эти азы марксизма Валлерстайну незнакомы. Узнает он их когда-либо или нет, в любом случае его претензии на создание индетерминистской науки об обществе останутся в истории мысли курьёзным недоразумением.

Проблематика книги «После либерализма» остаётся в рамках социологии, где Валлерстайн чувствует себя гораздо увереннее. Как социолог он обладает двумя привлекательными чертами: ставит реальные, а не вымышленные проблемы (даже если не даёт их решения), и не считает капитализм вечным, связывая будущее с ликвидацией социального неравенства в масштабах всего человечества.

Напомню, что мир-системный подход рассматривает *мир* не как сумму параллельно развивающихся стран, а как единую *систему*, где есть мировые «верхи» и мировые «низы», государства-эксплуататоры и государства-эксплуатируемые, получившие названия соответственно «ядро» и «периферия»; что Валлерстайн отрицает существование отдельных обществ, считая миры-системы *единственной* социальной реальностью; что он отрицает также существование в современном мире иных систем, кроме капиталистического мира-экономики (КМЭ), втянувшего в себя весь остальной мир уже к началу XX века. СССР – полупериферия КМЭ, в 1917 году революции не было, как и контрреволюции в 1991 году⁷.

Для КМЭ существовала задача не только внешней экспансии, но и внутренней – интеграции трудящихся в свою политическую систему. Она решалась с помощью либеральной идеологии. Либерализм, как и социализм, и консерватизм (соответственно-центр, левые, правые), возникает, с точки зрения Валлерстайна, после Великой французской революции, когда становится возможным распространение светской идеологии. В 1848–1914 годах либерализм безоговорочно господствует, влияя на своих идеологических конкурентов и порождая сначала либеральных консерваторов (Дизраэли, Бисмарк, Наполеон III), а затем и либеральных социали-

⁷ См.: Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М., 2003. С. 158–160.

стов (Бернштейн, Жорес, Каутский). Целью либералов и их союзников являлась интеграция рабочего класса ядра в политическую систему капитализма. Первым средством было всеобщее избирательное право, организованное таким образом, что результаты его осуществления приводили лишь к минимальным изменениям государственных институтов. Вторым – передача рабочим части прибавочного продукта, но так, чтобы основная часть сохранялась в руках господствующих слоев. Цель была достигнута – рабочий класс ядра утратил революционность. Валлерстайн преподносит эти события так, как будто рабочий класс не добивался всеобщего избирательного права и социальных гарантий, а был отвлечён ими буржуазией от главной задачи – уничтожения капитализма. Такой взгляд явно антиисторичен – рабочий класс XIX века при тогдашнем уровне развития производительных сил не мог уничтожить КМЭ, но мог вырвать (в упорной борьбе) определённые уступки у буржуазии. Эти уступки были шагом на пути изживания капитализма, хотя, конечно, буржуазия сделала всё, чтобы её отступление было минимальным.

После первой мировой войны целью буржуазии стала идеологическая интеграция трудящихся полупериферии и периферии. Средства этой интеграции были продолжением прежних средств: «самоопределение наций» как всеобщее избирательное право в масштабе КМЭ и «национальное развитие» как повышение благосостояния, тоже в масштабе КМЭ. Авторами этих средств И. Валлерстайн считает В. Вильсона и В. И. Ленина. СССР оставался частью КМЭ; его идеология – слепком с буржуазной: программа, принятая на съезде народов Востока в Баку в 1921 году, была программой антиимпериализма. «Но, – считает Валлерстайн, – что такое антиимпериализм? Это был перевод вильсоновской программы самоопределения наций на язык большей агрессии и нетерпения»⁸.

Заметно, что Валлерстайн снова видит лишь уловки буржуазии и не видит реальной борьбы угнетённых (в данном случае – народов периферии) за свои права. Естественно, они не в силах добиться максимума – гибели КМЭ (желаемой не столько ими, сколько

⁸ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 223.

левой интеллигенцией ядра, подобной Валлерстайну), но то, что они заставляют буржуазию идти на уступки, – уже прогресс.

В 1918–1989 годах «глобальный либерализм» действовал успешно, хотя и не в такой степени, как его европейский предшественник XIX века. Национально-освободительные силы, приходя к власти, вынуждены были подчиняться законам КМЭ. В условиях, когда места в ядре были уже заняты, «национальное развитие» не приводило, как правило, ни к чему. Как капиталистами могут быть лишь несколько процентов населения, а остальные – подавляющее большинство – капиталистами никогда не станут, так и стран ядра («мировых капиталистов») всегда будет немного. Остальные останутся «мировыми пролетариями» или даже «мировыми безработными» со всеми социальными последствиями этого положения. Валлерстайн подчёркивает, что Маркс был прав, говоря, что капитализм ведёт к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства.

В ситуации, когда капитализм не в состоянии обеспечить большинству населения Земли сносные условия жизни, неизбежны окончание его мирного господства и исчерпание господствующей идеологии – либерализма. Такое исчерпание наступает в 1968–1989 годах.

Валлерстайн очень высоко оценивает события 1968 года (в ЧССР, Франции, Китае – всё вместе как единое целое), видя в них «всемирную» революцию, изменившую облик КМЭ. В истории, по его мнению, было только две «всемирных» революции – 1848 и 1968 годов. 1989 год завершает дело 1968 года, нанеся удар по самому прочному до этого времени бастиону КМЭ – его периферии. «Без веры в действенность национального освобождения, замешанной на идеологии марксизма-ленинизма, у народов третьего мира не останется оснований быть терпеливыми, и долго хранить терпение они не станут»⁹. Думаю, что реальность сложнее: идеологии национального развития могут иметь несоциалистический характер, что мы наблюдаем во всех постсоветских странах. Крах СССР усилил США (по Валлерстайну – ослабил).

⁹ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 65.

Удивительно, но Валлерстайн не говорит о том, кто победил во «всемирных» революциях. Очевидно, не антисистемные силы, раз КМЭ устоял и даже стал более агрессивен. Но в то же время не сказано, что «всемирные» революции потерпели поражение. Дело в том, что Валлерстайн видит в «революциях» не социальный, а *мировоззренческий* сдвиг, изменения в общественном сознании: торжество либерализма в 1848 году и крах в 1968 году. Для 1848 года – осознание эксплуатируемыми группами необходимости создания «антисистемной бюрократической контрорганизации для захвата государственной власти», что и было воплощено впоследствии в действиях «старых левых», венцом которых стала победа РСДРП(б) в 1917 году. Для 1968 года – осознание необходимости борьбы с КМЭ не на национальном, а на мировом уровне и возникновение «нового левого» движения, которое, по мысли Валлерстайна, должно вести такую борьбу. А также – ослабление культурно-психологической власти Запада над Востоком, «большинства» – над меньшинствами, капитала – над трудом, государства – над гражданским обществом. Так неоднократно объявленное Валлерстайном «преодоление разделения социальной реальности на политику, экономику и культуру» закономерно обернулось сведением политики и экономики к культуре. «Всемирная революция 1968 года – как политическое событие – быстро вспыхнула и быстро погасла... Тем не менее воздействие её продолжалось значительно дольше. Оно низвергло с пьедестала реформистский центристский либерализм как господствующую идеологию...»¹⁰

Период мирного развития КМЭ, пишет Валлерстайн, окончен. Дальнейшее расширение политических прав и перераспределение материальных благ поставят под угрозу систему капиталистического накопления. Теперь буржуазия будет опираться только на силу. Решающим поворотом в политике ядра КМЭ Валлерстайн считает войну в Персидском заливе 1991 года, когда Юг открыто выступил против власти Севера на глобальном уровне и проиграл. В будущем Валлерстайн видит три варианта борьбы периферии против центра: светский милитаризм Хусей-

¹⁰ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 57.

на, религиозный фундаментализм Хомейни и массовую миграцию жителей Юга на Север, не считая, однако, что эти пути ведут к преодолению капитализма.

Итак, две «великие стратегии» сокрушения КМЭ – классовая борьба рабочего класса и борьба за национальное освобождение – при частичных удачах не достигли цели: КМЭ продолжает существовать. Почему? Чтобы понять, как Валлерстайн отвечает на этот вопрос, необходимо взглянуть на проблему развития КМЭ.

Оставив в стороне декларации Валлерстайна о необходимости отказа от понятия «развития», выделю главное в мир-системном подходе: развитие мира-системы *как целого*, а не суммы развитий отдельных стран или цивилизаций. Если посмотреть с этой точки зрения, обнаружится, что одно и то же развитие принесло одним народам богатство, другим – нищету; то, что для одних стран стало взлетом, для других обернулось упадком, и без одного не было бы другого. Это невозможно увидеть, если считать единственными субъектами истории отдельные общества – тогда видны только «опережение» и «отставание», обусловленные какими-то непонятными второстепенными причинами. Мир-системный подход открывает путь к пониманию развития как противоречивого процесса, в целом, вопреки Валлерстайну, прогрессивного.

Именно в ориентации на уровень отдельных государств, полагает Валлерстайн, заключалась ошибка антисистемных сил. Они мыслили в масштабах своих стран, их противники – в масштабе мира-системы (ведь капитал свободно перетекает из страны в страну). Эту ошибку и считает нужным исправить Валлерстайн. Здесь мы подходим к ответу на вопрос о судьбе КМЭ в будущем.

Преодоление противоречий капитализма с помощью «национального развития» Валлерстайн справедливо считает иллюзией. Пока существует КМЭ, существует и его ядро, которое не может расширяться, если не расширяется КМЭ, а ему теперь расширяться некуда. Когда КМЭ занимает весь мир, ядро стабильно – если одна страна займет в нем место, это будет означать, что другая страна его потеряет, только и всего. При этом разрыв доходов между секторами КМЭ как единого целого может даже увеличиться.

Необходимо иное направление развития: не количественный рост, а достижение большего равенства. Деление мира-экономики на ядро и периферию исчезает не в результате включения в ядро новых стран, а вследствие уничтожения капитализма. Развитие, пошедшее по пути уничтожения капиталистического присвоения, по пути перехода средств производства в руки непосредственных производителей, может стать не иллюзией, а путеводной звездой. Но этот вариант, как подчеркивает Валлерстайн, не детерминирован (настал момент бифуркации), а может быть завоеван в упорной борьбе.

Строго говоря, индетерминизм понадобился Валлерстайну для обоснования своих политических взглядов. Понятно, что в современном мире трудно найти научные основы для социального оптимизма.

Буржуазия пока что прочно держит инициативу в своих руках, гоня мир к пропасти последней мировой войны. В таких условиях индетерминизм становится просто синонимом веры в чудо. Поэтому Валлерстайн и пишет о том, что «концепции альтернативного социального миропорядка», даже имея «мало соприкосновений с объективной вероятностью», всё же «будут обладать эвристической полезностью как руководство к действию»¹¹. От себя скажу, что выбор между истиной и действием не просто тяжёл, он невозможен. У лжи короткие ноги.

С тезисом же о необходимости борьбы за будущее не поспоришь. Её острота видна по тому, как по-разному смотрят на современный мир Валлерстайн и его – нет, не оппоненты, – а редакторы русских переводов его книг. Мне приходилось писать о странных полулиберальных симпатиях Б. Ю. Кагарлицкого, высказанных им в предисловии к книге «Анализ мировых систем и ситуация в современном мире».

Но они – ничто по сравнению с тем, что пишет доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, редактор книги «Конец знакомого мира» В. Л. Иноземцев в статье «Бремя белого человека. Далёкое прошлое может стать нашим близким будущим», опубликованной в

¹¹ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 249.

«Независимой газете» 25.11.2003 – сразу после выхода отредактированной В. Л. Иноземцевым книги Валлерстайна: «Не может считаться недопустимым привнесение в более отсталые регионы – вместе с колонизацией их территорий – новых технологий и знаний, установление там формы правления в большей мере, чем прежняя, обеспечивающей соблюдение прав человека, инициирование межкультурного диалога. Европейские империи успешно выполняли эту миссию... Экономические факторы... не являлись определяющим мотивом имперской экспансии... Сегодня, когда холодная война осталась в прошлом... прочный союз великих империй прошлого – Великобритании, России, Франции, Испании – и давно переживших свой колониальный статус (но не вполне изживших свою колониальную природу) Соединённых Штатов *ради управления периферией* (курсив мой. – Г. З.) представляется нам насущно необходимым... В отношении тех регионов и стран, где царят хаос и насилие, имперские державы должны быть вполне определёнными в своей политике. Если правительства этих стран могут быть низложены мирно, необходимо пользоваться этой возможностью. Если для их отстранения от власти необходимо прибегнуть к военной силе, не следует интересоваться мнением всех и каждого. Нужно восстановить понимание цивилизаторской миссии западного мира и следовать этой миссии. Нужно обратить миграционный поток вспять» и т. д.

Для сравнения. Позиция Валлерстайна: «Активная замена современных европоцентристских пристрастий на более трезвое и сбалансированное чувство истории и его культурную оценку потребует острой и постоянной политической и культурной борьбы... Право общностей на защиту своего культурного наследия не означает права на защиту своих привилегий... Нам всем нужна борьба за обеспечение мигрантам подлинно равного доступа к экономическим, социальным и (обязательно!) политическим правам в той зоне, куда они мигрировали. Я знаю, что здесь будет грандиозное политическое сопротивление на основе защиты культурной чистоты и накопленного права собственности. В заявлениях государственных деятелей Севера доказывается, что Север не может взять

на себя экономическое бремя всего мира. А почему собственно нет? Богатство Севера в очень большой части – результат перекачивания прибавочного продукта с Юга. Именно этот факт в течение нескольких веков вёл нас к кризису системы. Это вопрос не благотворительности, а рациональной перестройки. Эти битвы будут политическими битвами... Эта стратегия будет работать, только если мы будем всё время помнить о наших эгалитаристских целях»¹².

В будущее, пишет Валлерстайн, мы сможем войти, «если будем готовы бороться с теми, кто под каким бы то ни было видом и любым предложением предпочитает неэгалитарный, недемократический мир»¹³. Они, как видим, готовы бороться за свои привилегии, не «интересуясь мнением всех и каждого». Думал ли Валлерстайн, что в России среди врагов будущего окажется редактор его книги?

¹² Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 250.

¹³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 9.